

Сергей Кузнецов

Живые
и
Взрослые:
по ту сторону

Сергей Юрьевич Кузнецов
Живые и взрослые. По ту сторону
Серия «Живые и взрослые», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7412681

Аннотация

Второй том трилогии «Живые и взрослые». Прошло два года, герои разошлись по разным компаниям и школам, но внезапная опасность заставляет их снова собраться вместе. Каждому предстоит встреча с его потаенными страхами, каждый должен будет заново понять цену дружбы и найти ответ на вопрос «какова цена страдания и боли?»

Содержание

Вступление. Коридоры и кабинет	4
Часть первая. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	5
1.	5
2.	10
3.	13
4.	16
5.	19
6.	22
7.	26
8.	28
9.	31
Интермедия. Полночный шарик	34
10.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Кузнецов

Живые и взрослые: по ту сторону

Книга вторая

Моему сыну Дане

Вступление. Коридоры и кабинет

Здесь всегда холодно. Ледяной ветер носится по бесконечным коридорам, поскальзывается на полированном паркете, задувает в створки шкафов, шелестит бумагами в скоросшивателях. Промозглые коридоры пересекаются под прямыми углами, то делятся без конца, а то резко поворачивают или утыкаются в глухую стену. Вдоль коридоров – двери, иногда за ними ледяная пустота, иногда – еще один коридор или кабинет, неотличимый от сотен тех, где уже побывал, куда еще попадешь.

Если встретишь кого-нибудь – не разговаривай. Возможно, вы говорите на разных языках. Возможно, ему незачем с тобой говорить. Почти наверняка – тебе не о чем говорить с ним.

Забудь, как выглядит твое лицо, – здесь нет ни одного зеркала. Зеркала здесь не нужны, даже вредны. Забудь свое лицо: так или иначе рано или поздно ты станешь неотличим от тех, кого встречал в этих коридорах.

Следуй назначенному маршруту. Помни: в жизни у каждого свой путь, и здесь его давно выбрали те, кто знает больше тебя.

Поворачивая за угол или открывая новую дверь, будь готов предъявить пропуск. Там указан твой доступ, он определяет, какой дорогой ты можешь идти. Есть коридоры, где без пропуска ты заблудишься навсегда, есть двери, которые без пропуска даже не приоткроются.

За одной из таких дверей – просторный кабинет. Деревянные панели на стенах, мягкий ковер, огромный полированный стол. По обеим сторонам стола сидят грузные мужчины. Даже дорогие, хорошо сшитые серые костюмы не в силах скрыть излишки веса, отложения жира. Эти лица настолько похожи, что поначалу ты не можешь не сбившись сосчитать сидящих за столом. Только со временем ты научишься различать густоту морщин, форму мешков под глазами, пигментные пятна, еле заметные следы инъекций и пластических операций.

Кажется, эти люди сидят здесь очень давно, но никто не выказывает признаков усталости. Они заняты. Они разговаривают. Разговаривают на мертвом языке, трудно сказать – на каком, но иногда в потоке речи различаешь знакомые слова «сотрудничество», «взаимодействие», «партнерство», хотя чаще слышишь другие: «нехватка энергии», «девальвация», «кризис».

Один мужчина поднимает руку, и наступает тишина, слышно только, как воет в коридорах ледяной ветер. Морщинистое лицо ящерицы, крупные продолговатые уши вздымаются как крылья летучей мыши.

Его тихий свистящий голос еле слышен. Он говорит:

– Орлок Алурин, вот кто нам нужен. Мы должны вернуть его.

Часть первая. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

1.

Массивные квадратные колонны подпирают темно-серый каменный фронтон, строгий, современный, без всяких украшений. Между ними – парадная лестница, торжественная, как отчетное собрание в школе.

Еще весной Марина вприпрыжку взбежала бы по широким гранитным ступеням, смеясь и отряхивая капли мелкого дождичка, – но сегодня старается идти как надо: носки чуть развернуты, плечи расправлены, голова поднята. Все, как учила мама.

Марина старается не улыбаться, но ей смешно: она сегодня будто играет в театре, будто изображает какую-то другую девочку, какую-то девушку, взрослую и серьезную.

Нет, это, конечно, не Марина. Настоящая Марина, никем не замеченная, с хохотом взбегаet по парадным ступеням.

Черный купол зонта распаивается над головой. Каблуки высоких итальянских сапог стучат по серому камню.

– Не повезло нам с погодой, Маринка, – говорит дядя Коля. – Тучи утром разгоняли, вот вечером весь дождь и вылился.

Тучи всегда разгоняют в праздники – утром, когда счастливые люди проходят по главной площади столицы, в небе должно сиять яркое солнце, радовать живых. Маленькой девочкой Марина любила смотреть по телевизору праздничную трансляцию – беззаботные улыбки людей сияли в солнечных лучах, счастье само вспыхивало в Маринином сердце, и она вместе со всеми ликовала, что ей так повезло: жить в мире после Проведения Границ, после Великой Победы. Тогда она бегала по квартире и хохотала, размахивая игрушечным серебристо-голубым флажком.

Но сегодня Марина почти взрослая – и поэтому она с полуулыбкой поворачивает голову к дяде Коле, едва-едва замечает руку, держащую японский зонт. Золотая запонка вспыхивает на белой манжете, чуть видной из-под рукава серого в полоску костюма, совсем нового, английского или французского.

Марина не очень хорошо различает мертвые вещи – не то, что девочки в новой школе. Они-то знают все *бренды* – то есть все мертвые фирмы, – они-то никогда не спутают итальянские туфли с японскими. Ничего, Марина уверена, она тоже скоро разберется.

Они входят под фронтон, дождь остается за спиной. Дядя Коля жестом фокусника расправляется с зонтом – хоп, и он словно исчезает, становится в три раза меньше, хоть в карман убирай. Два года назад, когда Марина впервые увидела складной японский зонт, она глазам поверить не могла – он же помещается в сумке, всегда можно носить с собой! Но на самом деле Марина зонтов не любит – лучше куртка с капюшоном, и теплее, и руки свободны.

Распахивается тяжелая дверь – высокая, в два Марининых роста.

– Добро пожаловать! – говорит дядя Коля.

– Спасибо, – отвечает Марина, но успевает бросить взгляд на облицованную гранитом стену, справа, где обычно висит табличка с названием.

Она так и думала: никакой таблички, там, конечно, нет.

Место, где работает дядя Коля, обычно называют просто «Министерство».

А иногда – «Учреждение».

– Мне кажется, девочке вовсе ни к чему ходить в Учреждение, пусть даже на праздник.

Мамин голос из большой комнаты доносится еле слышно, но за столько-то лет Марина хорошо наострилась слушать родительские разговоры – особенно если речь идет о ней. Новая квартира, конечно, больше, и Маринына комната в самом дальнем конце, зато в новостройках слышимость – ого-го! Даже две закрытые двери не спасают – Марина слышит все, что говорят на кухне.

– А по-моему, это прекрасная идея, – отвечает папа. – Она же не на стажировку туда идет, а на праздник. Послушает концерт, потанцует на банкете, познакомится с интересными людьми. Расскажет у себя в школе, повысит *социальный статус*.

– Я до сих пор не уверена, что мы правильно ее туда перевели, – говорит мама.

– Ерунда, – Марина слышит легкое раздражение, – конечно, правильно. Не ездить же ей через полгорода... да к тому же, *контингент учащихся* куда лучше.

Марина вздыхает. На ее вкус в новой школе контингент учащихся так себе. На учебу всем плевать, мальчишки переписывают друг у друга кассеты с мертвой музыкой, девчонки вечно хвастаются новыми вещами, привезенными из Заграницы.

Если бы Рыба это увидела – взбесилась бы. Здешние учителя – ничего, вообще внимания не обращают, мертвые вещи или живые. Нет, наверное, все-таки обращают, но не как Рыба – они и сами ходят в мертвых вещах.

– Боюсь, Марина не справится, – говорит мама. – Программа все-таки гораздо серьезней. Да и без друзей ей трудно.

– Ерунда, – повторяет папа, – ерунда-ерунденция. Друзей новых заведет. Ты, Наташ, сама скажи: у тебя много друзей со школы осталось? У меня так вообще никого. Друзья – дело наживное. Пусть лучше хорошее образование получит. Девочка она у нас талантливая, активная, с хорошим будущим...

– Ты говоришь точь-в-точь как Коля, – вздыхает мама.

– Чего тут странного? Мы же все-таки братья, – смеется папа. – Зря ты его не любишь. Он и к тебе, и к Маринке – как к родным. Вот и на праздник позвал, сколько девчонок об этом мечтают. Музыканты, актеры, певцы... всех вживую увидит! Говорят, вся съемочная группа «Запаса прочности» будет!

«Запас прочности»! Марина едва не подскочила. Что же дядя Коля ей не сказал? Все девчонки в новом классе только и говорят, что о «Запасе прочности», спорят, кто красивее – студент-физик Лео или помощник капитана Валентин. Сама Марина посмотрела фильм еще летом, без особого, впрочем, восторга. Кино как кино, ничего особенного. Снято, конечно, красиво, и комбинированные съемки отличные, но сюжет понятен буквально с первых минут. Стоило ей увидеть, как герои поднимаются на борт научно-исследовательского судна «Посейдон», она уже поняла, что хороший мертвый студент-физик Лео влюбится в хорошую живую лаборантку Катю, в которую уже влюблен хороший, но слабохарактерный старпом Валентин. Потом Валентин будет страдать, вспоминая оставленную на Большой Земле жену, а Катя будет страдать, не понимая, кого же она любит. В конце концов, она, конечно, выберет Лео, а потом случится какая-нибудь авария, Лео спасет Катю, а Валентин, глядя на его героизм, устыдится своих незаконных чувств и вернется к жене.

Угадала почти всё: «Посейдон» врезался в айсберг, Лео починил испорченный двигатель и утонул в ледяной воде. В финале Валентин обнимает жену, а Катя бросает в волны подарок Лео – цветную японскую фотографию, – и зритель понимает, что хотя она всегда будет его помнить, настоящая любовь у нее впереди.

Еще бы! В живых фильмах у живых девушек должны быть живые женихи. Мертвый, будь он хоть сто раз хороший, живым не пара. Удивительно уже то, что им дали поцеловаться, и теперь Люська Воробьева всем по секрету говорит громким шепотом, что «Запас прочности» – очень смелый фильм, который долго не хотели выпускать на экраны, и, якобы,

пришлось показать фильм Самому, а он отдал личное распоряжение, чтобы фильм разрешили. И всё из-за этого поцелуя!

– Ну и что тут такого, что живая девушка с мертвым целуется? – спросила Марина. – Целуются-то все одинаково.

– Да ты не знаешь просто! – зашептала Люська. – Говорят, если мертвый поцелует – то всё!

– Что – всё? – не поняла Марина. – Сама мертвой станешь, что ли?

– Да нет! С живыми никогда больше даже не захочешь, вот что!

– А! – кивнула Марина. – Понятно.

Вот бы сказать девчонкам, что она-то знает – ничего особенного в мертвых поцелуях нет. Ведь она-то целовалась с мертвым мальчиком, с настоящим мертвым, не киношным.

Никто бы не поверил, конечно, – да Марина и сама уже не верит, что это было на самом деле: заколоченный дом, гаснущие одна за другой свечи, появление Майка, а потом – атака зомби, тот самый поцелуй, Ард Алурич с двумя пистолетами, горстка пепла на полу...

Такого ни в одном кино не покажут.

Сколько кругом света, сколько веселья! Сменяют друг друга на сцене музыканты, певцы и актеры, празднично одетые люди за накрытыми столами смеются шуткам толстого конферансье. Часть шуток, правда, Марине непонятны – наверно, это про работу Учреждения. Так сказать, шутки для своих.

Съемочная группа «Запаса прочности» тоже выступала. Режиссер поблагодарил Учреждение за оказанную помощь и доверие, «лаборантка Катя» спела популярную песню «Моя любовь не тонет», а «старпом Валентин» рассмешил всех, изобразив под фонограмму пародию на известного певца.

На заднике сцены – две эмблемы, одна над другой: звезда в круге и чуть ниже – такая же звезда на серебряном щите, эмблема Учреждения. Щит – чтобы защищать Границы Звезды.

Марина улыбается: знал бы дядя Коля, какие дыры они видали в этих границах – щитом не прикроешь!

Но сегодня не хочется об этом вспоминать. Сегодня Марина – обычная девушка на радостном празднике. Украдкой она оглядывает зал: вон за столиком сидит группа «Запаса прочности». Будет, что рассказать девочкам в школе.

– Что, Маринка, на актеров загляделась? – спрашивает дядя Коля. – Хочешь – познакомлю?

– А удобно? – спрашивает Марина (зря, что ли, мама велела быть вежливой и ненавязчивой?).

– Конечно, – и дядя Коля, взяв Марину под руку, направляется к киношникам.

Режиссер Кемеров, широко улыбаясь, поднимается ему навстречу:

– Здравствуйте, здравствуйте, Николай Михайлович! – говорит он. – Прекрасный праздник, спасибо за приглашение!

– Что вы, Евгений Филиппыч, – улыбается в ответ дядя Коля, – это вам спасибо, что согласились прийти. Ну, и, конечно, всем ребятам, – и он широким жестом обводит съемочную группу, – вы ведь все теперь звезды, спасибо, что не зазнались!

– Да какие мы звезды, Николай Михайлович, – отвечает «старпом Валентин», – обычные актеры, просто делаем свою работу.

Все смеются, узнав переиначенную фразу «обычные моряки, просто делаем свою работу» – слова, которые Валентин говорит в фильме, когда становится известно о награждении экипажа «Посейдона».

– Да вы садитесь, садитесь, – Кемеров пододвигает дяде Коле стул, – и девушка пусть тоже присоединяется. Дочка ваша?

– Племянница. – Дядя Коля сдержанно улыбается, мол, видите, какая красавица выросла!

Марина садится на свободное место, официант тут же ставит перед ней тарелку и пустой бокал.

– Девушке тоже налейте шампанского, – говорит дядя Коля. – Сегодня можно, праздник же.

Кемеров произносит длинный тост «за нашего консультанта и куратора, человека, без которого не было бы...» – Марина чокается с сидящей напротив «лаборанткой Катей» (в жизни ее тоже зовут Катя, все девочки это уже обсудили), делает несколько глотков. Ледяные пузырьки щекочут нёбо, сразу вспоминается Новый год. Марине кажется, будто она попала внутрь телевизора, прямо на «Серебристый огонек» – накрытые столы, официанты, знаменитости...

– Извините, запоздал, заболтался с поклонницами, – раздается над ее головой знакомый голос. – Просто проходу не дают, ха-ха!

Марина поднимает голову: перед ней стоит Лео. Мертвая сигарета дымится между пальцев, широкая улыбка, пронзительные карие глаза.

– Как вас зовут, милая девушка? – говорит он.

– Марина, – говорит она, и Лео тянет к губам ее руку.

– Рад знакомству!

Губы у Лео влажные и горячие. Марине никто никогда не целовал руку – да и видела она такие поцелуи только в кино про древнюю жизнь, которая еще до Мая.

Он садится рядом.

– Вы работаете здесь или по знакомству?

– Я племянница Николая Михайловича, – отвечает Марина. Собственный голос кажется ей неестественным и фальшивым.

– А, наш консультант! Знаток мертвых обычаев и рыцарь приграничных областей! Я и не знал, что в семьях эмпэдээшников бывают такие милые девушки.

Надо что-то ответить, думает Марина. Что-нибудь остроумное и едкое, чтобы срезать этого задаваку одной фразой. Пусть знает!

Вроде язык у Марины всегда был неплохо подвешен, но сейчас мысли сталкиваются в голове, словно обломки айсберга – с грохотом и без всякого толку. К счастью, Лео спрашивает:

– Сознайтесь, сколько раз вы смотрели «Запас прочности»? – и Марина с облегчением говорит:

– Только один. Я, знаете ли, не то чтобы большая поклонница вашего фильма.

Вот так и надо: решительно и едко, Марина довольно улыбается. Но вот беда – ее слова попали прямо в паузу общей беседы, и теперь все смотрят на нее в изумлении: восторженный седовласый Кемеров, импозантный «старпом Валентин», удивленная Катя и даже дядя Коля.

– Вот какая молодежь растет, скажи, Евгений Филиппыч? – говорит дядя Коля режиссеру.

Все с облегчением смеются. Марина представляет, что стала невидимкой и никем не замеченная сбежала из банкетного зала.

– А у Ильи-то какое лицо было, видели? – говорит Катя. – Небось, первый раз за два месяца видишь девушку, которая *не то чтобы большая поклонница?*

– Ты знаешь, Катя, – отвечает Лео, – я равнодушен к славе. Для меня главное – это искусство.

Взрыв хохота. Все почему-то находят эту фразу очень смешной. Марина залпом допивает свой бокал. Дядя Коля, нагнувшись, тихо говорит:

– Мне надо отойти, ты со мной или здесь останешься?

Марина вскакивает. Здесь останешься? Ну нет!

– Еще увидимся! – Дядя Коля машет рукой и, взяв Марину за локоть, идет в глубь зала.

– А этот Илья Гурамов на тебя глаз положил, – говорит он, – ты заметила?

Марина только пожимает плечами.

– Урод какой-то, – решительно говорит она, вспоминая наглую улыбку и глубокие карие глаза.

Они подходят к другому столику. На этот раз – никаких легкомысленных актеров, только трое пожилых мужчин в однотонных костюмах и строгих галстуках.

– Здравствуйте, Юрий Устинович, – говорит дядя Коля, и Марина удивляется, как незнакомо звучит его голос. – С праздником вас!

– И тебе здравствуй, Николай Михалыч, – отвечает седой мужчина с орденскими планками на лацкане. – Присаживайся, гостем будешь. И вы, Марина, тоже садитесь, не стесняйтесь.

Откуда вы знаете мое имя? хочет спросить она, но серые глаза из-под густых бровей смотрят так пристально, что Марина еле слышно отвечает:

– Спасибо.

2.

Когда все это началось? думает Гоша. Может, с прошлой осени, когда они помогли маме вернуться *туда*, а мама запретила даже думать про Открытый Мир и Разрушение Границ?

Это было обидно – Гоша так гордился, что вместе с друзьями все разгадал, маму спас, всех победил и теперь готов бороться вместе с родителями, а они прекратили борьбу, сказали, что их мир – самый лучший и Проведение Границ – величайшее достижение человечества.

Было обидно – и даже с друзьями об этом не стоило говорить. Ника злилась, когда слышала, что теперь Гошина мама против Открытого Мира, Лева пожимал плечами, мол, все не так просто, надо подумать, а Марина сразу соглашалась: да, они погорячились тем летом. Пес с ней, с Границей. Спасли Гошину маму – вот и молодцы, а теперь можно жить, как раньше.

Гоша знал: «как раньше» у него не получится, слишком много он видел, слишком много помнит. Не зря же у него до сих пор ждут своего часа два серебряных пистолета «Хирошину-2001» – даром что без патронов.

Да, «как раньше» не получится – ведь мама и папа стали совсем другими. Раньше они вечно говорили о работе, допоздна задерживались в Институте и даже в походы брали с собой толстые книги, заполненные формулами. Год назад лабораторию расформировали, их обоих уволили, и они стали безработными, словно герои фильмов о Заграницье или о древних временах до Проведения Границ.

«Как раньше» не получалось: раньше родители никогда не говорили о деньгах, главным была работа, а деньги – приятным побочным результатом. Теперь выяснилось, что работа нужна еще и из-за денег. Два месяца они переводили с франкского и инглского научные статьи, но потом заказы прекратились (папа сказал, *по звонку из Учреждения*) – хорошо еще, что дядя Гена Свиридов, старый папин друг и сослуживец, предложил брать заказы на свое имя. С полгода все шло неплохо – папа с мамой переводили, дядя Гена отдавал им гонорары за публикации в «Известиях геологических наук» или «Вестнике этнографии», – но потом пришел участковый и потребовал от родителей трудоустроиться в течение двух недель, пригрозив выселением из столицы – за тунеядство.

– Да ладно, Сашка, – говорил неунывающий дядя Гена, – устроишься сторожем или вахтером. Будешь сидеть и переводить, прямо на рабочем месте. Женя на машинке перепечатает, а я в редакцию отнесу. Получится то же самое, что теперь, плюс официальная зарплата.

Папа покачал головой – и был прав: через неделю выяснилось, что в столице нет вакансий ни вахтеров, ни сторожей. Желających работать дворниками и кочегарами тоже было куда больше, чем свободных мест, – в особенности весной, когда снег уже стаял, а в домах отключили отопление.

– Помнишь, Женя, ты пугала меня безработицей в Открытом Мире? – сказал папа. – А у нас все наоборот получилось: и безработица, и Граница закрыта.

– Это еще не безработица, – сказала мама. – Я пойду на швейную фабрику. Там, кстати, платят больше, чем у меня было в Институте.

«Больше», к сожалению, не получилось – наверное, швея из мамы хуже чем ученый. Через месяц папа устроился на энергетический завод – и ездить ближе, чем в Институт, всего одна остановка, говорил он дяде Гене. Жалко, денег мало платят.

Неужели оказалось, что главное – это деньги?

Когда Гоша перестал ходить на об-гру, папа даже ничего не сказал, а ведь так гордился! Успехи, правда, давно закончились: если не можешь рассчитывать даже на место в районной сборной – какой смысл стараться?

Без занятий во Дворце Звездочек сразу освободилась куча времени. Можно слушать магнитофон, подбирать на гитаре аккорды, смотреть телевизор или читать детективы о доблестных сотрудниках Учреждения, разоблачающих коварных шпионов. Хорошие, спокойные книги: шпионы в них не походили на Орлока, а доблестные герои – на тех, кто допрашивал Гошу и его друзей год назад. Читая такие книги, слушая магнитофон или глядя новости по телевизору, можно не вспоминать, что когда-то у Гоши были родители, которые учили его бороться. И друзья, с которыми он был готов изменить мир.

Кем стали теперь его смелые, молодые родители?

Где теперь его друзья?

Лева и Марина учатся в других школах, с ним осталась только Ника. Впрочем, в самом ли деле – осталась с ним?

Вот, в сентябре собрались вдвоем в кино, на франкский фильм про грабителей банков. Ника вдруг позвонила, сказала, что не пойдет, и бросила трубку. Потом выяснилось: тете Свете стало плохо, Ника вызывала врача, в общем, было не до кино, но Гоша все равно обиделся: трудно было нормально сказать, в чем дело? Он бы пришел, помог, он ведь мужчина, а значит – помощник и защитник.

Недавно, уже в ноябре, Ксения, литераторша, вызвала Гошу, а он, как назло, ничего не читал. То есть, он, напротив, читал весь вечер, но вовсе не ту скучищу, которую они проходили. Нет бы Нике подсказать ему, пока шел к доске! Она-то читала, что задано! Короче, Гоша схлопотал «пару», а Ника сказала – мол, была уверена, что он и сам все знает.

Нике, конечно, хорошо говорить – а Гоше все чаще кажется: ничего он не знает, ни в чем он не уверен.

Зачем учить уроки? Зачем горбатиться в школе десять лет, а потом еще пять в Университете, если в конце концов окажешься рабочим на соседнем заводе, как родители каких-нибудь тупых «пятнашек»?

Зачем напрягаться, если мир все равно нельзя изменить? Лучше лежать на диване с тупой детской книжкой.

Впрочем, лежать на диване тоже скучно – куда интересней ходить в кино. Денег на билет, конечно, не было, но Гоша придумал способ попадать в зал – интересный и рискованный.

Отодвинуть гнилую доску в заборе, пролезть во двор завода «Станкоремонт». Потом перекинуть через плечо сумку, короткой перебежкой – до глухой кирпичной стены, с разбегу подпрыгнуть, достать до нижней перекладины пожарной лестницы, вцепиться в холодный железный прут, подтянуться, перехватить руки – и быстро карабкаться вверх. Где-то на высоте третьего этажа перейти на карниз – не слишком широкий, но можно вжаться в стену и мелкими приставными шагами преодолеть полтора метра, а потом пригнуться, поднырнуть под распахнутую створку окна и там, едва держась за подоконник, осторожно приподнять голову и заглянуть в окно – если повезет и в туалете никого нет, уже через минуту Гоша как ни в чем не бывало прогуливается в фойе заводского клуба – по ту сторону билетного контроля. Тут, конечно, все зависело от везения – однажды Гоша скорчившись просидел под окном минут десять, дожидаясь, пока двое курильщиков, забывших о фильме, кончат обсуждать заводские новости, – но обычно он успевал в зал как раз после журнала, садился на свободное место, а потом уходил вместе с добропорядочными зрителями, честно заплатившими за билеты.

В тот раз Гоша, едва высунув голову, сразу увидел – в туалете кто-то есть. Он нырнул назад и затаился. Через пару минут хлопнула дверь, но на всякий случай Гоша решил еще чуть подождать, и когда наконец снова высунулся, кто-то сказал прямо над головой:

– Эй, пацан, руку давай, а то грохнешься.

И чьи-то крепкие пальцы схватили его за запястье. *Попался!* подумал Гоша, но, подняв голову над подоконником, увидел мальчишку примерно своего возраста, широкоплечего и светловолосого, с приплюснутым носом и маленькими глазками. Гоша узнал его даже раньше, чем влез в окно: старый враг, Вадик из «пятнашки».

3.

Когда все началось? Может быть, когда Марина сказала «я больше не хочу менять мир»?

Ника не поняла тогда и не хочет понимать сейчас – как можно так легко сдаться? Все знают: мир устроен жестоко и несправедливо, а те, кто готов с этим смириться, просто боятся, думают, у них не хватит сил, лгут себе и другим.

Ника так Марине и сказала. Ух, как та разозлилась! Кричала, что вовсе не боится, просто с нее хватит одной Зиночки, и не так уж плох этот мир, чтобы убивать людей.

Я тоже не хочу убивать, сказала Ника, а Марина ответила: когда мир меняется, всегда гибнут люди.

Ника замолчала, а про себя подумала: раз так, я справлюсь одна. Или вдвоем с Гошей.

Сегодня ей кажется: одной у нее не хватит сил, а Гоша... вдвоем с Гошей ничего не получится.

– Мы знаем, что религиозный культ мертвых служил закабалению живых и отвечал интересам правящей мертвой верхушки, – тараторит у доски Оля Ступина.

В этом году Марина ушла в другую школу, и Оля вновь стала старостой. Вот и ходит теперь довольная, расправив плечи и задрав нос. За лето вымахала – смотреть противно. Форменное темное платье едва достает до колен, белоснежный фартук с голубоватыми кружевами топорщится на груди. Вылитая студентка-второкурсница, с ненавистью думает Ника. На улице никто и не подумает, что школьница. Парни, небось, пристают, хотят познакомиться.

Ну и пусть. Мне-то какое дело?

Вовсе не было бы дела, если бы на школьной дискотеке Гоша не протанцевал с Олей три медленных танца. Ему, наверно, тоже нравится – короткая юбка, яркая помада, духи на весь зал воняют, фу!

Ника тогда так разозлилась, что в понедельник демонстративно не обращала на Гошу внимания. К вечеру остыла, конечно, но во вторник Гоша вообще не пришел, к телефону не подходил, да и сам Нике не звонил.

Ну, раз он не звонит – Ника тоже гордая. Может, он с Олей Ступиной по телефону треплется? Ну и пожалуйста! Пусть ему Ступина рассказывает, как сегодня Рыба назвала его злостным прогульщиком и пригрозила, что отправит в техникум.

Гоша – злостный прогульщик? Нет, наверняка у него какие-то важные дела.

Впрочем, Нике-то что? У него дела – пусть сам и разбирается. Она звонить не будет, даже чтобы про Рыбу рассказать.

Или все-таки позвонить?

Ника смотрит в окно. Белый снег опускается на город, зима пришла, еще одна зима без мамы и папы.

Возможно – последняя зима с тетей Светой. Этой осенью Ника трижды вызывала ей скорую, уговаривала лечь в больницу, но Светлана Васильевна твердила, что если уходить – то уходить дома.

– Эксплуатации и унижению живых служила вся система мертвых ритуалов, – продолжает Ступина, – в том числе обряды жертвоприношения, призванные запугать живых и сделать их покорными.

Ника тихонько вздыхает. История с каждым годом все скучнее. Два года назад проходили войну и Проведение Границ, а теперь добрались до древних времен, о которых толком ничего не известно – одни догадки. Вот и талдычат на каждом уроке: до Проведения Границ все принадлежало мертвым, живым жилось так трудно, что хоть плачь.

Можно подумать, сейчас легко.

Оля возвращается на место. Историк Михаил Владимирович привычно выводит в журнале пятерку и, оглядев класс, спрашивает:

– Кто-нибудь хочет дополнить?

Что тут дополнишь? Ступина, как обычно, слово в слово пересказала главу из учебника – но тут в заднем ряду взлетает рука.

– Что, Потоцкий, какие-то вопросы?

Поднимается худой черноволосый мальчик. Ника его почти не знает: Кирилл – новенький, в классе всего три недели, с начала четверти.

– Михаил Владимирович, у меня дополнения к ответу Ступиной.

Кажется, весь класс поворачивается к Кириллу. Дополнения к ответу Ступиной? Невиданное дело!

– Да, пожалуйста. – Похоже, историк тоже немного удивлен.

– Можно к доске, Михаил Владимирович?

– Да, Потоцкий, конечно.

Мальчик проходит совсем рядом с Никой. Она замечает – на нем мертвые кроссовки и черные джинсы, наверняка тоже мертвые.

– Оля правильно сказала, что жертвоприношения делали живых покорными, – начинает Кирилл, – однако этим не ограничивалась их функция. Говорили, что жертвоприношение нужно, чтобы подготовить живых к неизбежному переходу. Хотя в древние времена еще не существовало Границы, будущий переход все равно пугал людей.

Как много все-таки зависит от того, какое слово подберешь, думает Ника. Мы говорим о тех, кто стали мертвыми, что они ушли. А «переход» – это про тех, кто добровольно пересекает Границу: мертвые – чтобы напасть на живых, или живые во время войны, *защищая границы звезды*. А сегодня – ученые шаманы и орфеи, работающие в Министерстве по Делах Заграницья.

– Каждый человек знал – и знает сегодня, – продолжал Кирилл, – что рано или поздно ему нужно будет совершить этот переход. Разве это не самое важное и сложное путешествие? Как же лучше подготовиться к нему?

Выходит, и о моих родителях можно сказать, что они не ушли, а перешли, думает Ника. Хотя – какая разница? Впрочем, нет: уходят от кого-то, уходят навсегда, а переходят... переходят с одной стороны улицы на другую, из класса в класс, из школы – в школу.

Ведь Кирилл только что перешел в нашу школу. Может, поэтому он смог подобрать такое слово?

Ника вспоминает, как ей было трудно, когда она была новенькой. Особенно первый месяц, пока не подружилась слевой, а потом с Мариной и Гошей. Кириллу, наверное, тоже одиноко – и Ника думает, что надо обязательно подойти к нему после урока.

– В жизни человека есть много других переходов, – говорит Кирилл. – Мальчик становится юношей, девушка становится матерью. Пройдя через переходный возраст, мы станем взрослыми. Каждый переход – маленькая модель Главного Перехода, о котором я говорю и который нас всех пугает. Этот страх так велик, что мы стараемся не думать о нем, и цель жертвоприношений – не дать живым забыть, что они станут мертвыми. Каждый небольшой переход – например, из неженатого состояния в женатое – сопровождался жертвой, сознательно вызванным Главным Переходом. Воины отправлялись на войну – и приносили в жертву прекрасную девушку, чтобы помнить о том Главном Переходе, который их ждет. И, конечно, эта жертва была добровольной.

Жаль, что Гоши нет, думает Ника. Вот бы кому понравилось! Все сразу становится на свои места: ну да, жертва сопровождала любое важное событие в жизни древних не только потому, что напоминала им о Главном Переходе, как его называет Кирилл, но и давала силы,

вдохновляла. Людям как будто говорили: смотрите, этот человек только что совершили такой сложный переход – неужели вы не справитесь с таким пустяком как далекое путешествие или рождение ребенка?

– И еще одно, – говорит Кирилл. – Жертвоприношения служили основой древней экономики. Существуют данные, что при любом жертвоприношении выделяется энергия, связанная с переходом. Можно сравнить это с химической реакцией – чем более крепкие связи рвутся, тем больше энергии выделяется. А какие связи крепче связей живых с их близкими, с самой жизнью? Поэтому можно предположить: жертвоприношения служили источником энергии, необходимой для развития мертвых технологий, которые потом заимствовали живые.

Что он говорит? ужасается Ника. Он что, забыл: официально считается – мертвые заимствуют наши технологии, а не наоборот. Что сейчас начнется – страшно подумать!

Но Михаил Владимирович молчит, а Кирилл, будто прочитав мысли Ники, продолжает:

– Разумеется, речь идет о временах до Проведения Границ. С тех пор все решительно изменилось – хотя вполне возможно, что некоторые трагические события последних шестидесяти лет тоже были масштабным жертвоприношением.

Тут историк приходит в себя.

– Что ты имеешь в виду, Потоцкий? – спрашивает он, и Нике кажется, что голос его чуть дрожит.

– Конечно, войну, Михаил Владимирович, – отвечает Кирилл. – Разве мы знаем что-нибудь более трагическое, чем война? Какие же еще события я могу иметь в виду?

В его голосе насмешка – или Нике только кажется?

Да, думает она, вечером позвоню Гоше. Черт с ними, с обидами – про такое надо рассказать!

Ну, и заодно – про угрозы Рыбы и прогулы.

4.

Первую попытку поступить в матшколу Лева позорно провалил прошлой зимой, когда, узнав, что в классе есть целых два места, решил перевестись в середине года. Машинописное объявление, висевшее на доске у входа, предупреждало, что экзамен проводится по расширенной программе седьмого-восьмого класса. Впрочем, там не было написано, что расширенная программа включает в себя не только алгебру и геометрию, еще и теорию множеств, Бойлеву алгебру и около трети университетского курса планиметрии.

Так и получилось, что насколько широка расширенная программа, Лева узнал, только увидев в условиях экзаменационных задач незнакомые обозначения и, стыдно сказать, слова. Лева покраснел так, как умеют краснеть только очень рыжие люди, за полчаса решил то, что мог, а внизу написал просьбу выдать полный список литературы за седьмой и восьмой класс, чтобы достойно подготовиться к будущему экзамену. Через неделю Лева забрал свою работу, где на первой странице красовалась позорная тройка с минусом, а на последней мелким почерком легендарного Овсянникова были записаны названия одиннадцати книг, которые Лева предстояло выучить наизусть в ближайшие месяцы.

Вторая попытка оказалась успешной – и вот уже Лева сидит на дополнительном семинаре Саши Бульчина, выпускника школы и студента четвертого курса матмеха. Бульчин рассказывает десятиклассникам о фракталах – если честно, вовсе не потому, что фракталы включены в очередную расширенную программу (они не включены), и даже не потому, что они могут пригодиться при усвоении других тем (может, пригодятся, может, нет, кто их знает, этих школьников?), а просто потому, что фракталы – это, черт возьми, самое интересное и волнующее, что было придумано в геометрии за последние сто лет.

– А как же геометрия Рамина? – вскакивает Сережа Вольфин, невысокий мальчик в круглых очках.

– Читайте источники, молодой человек, – парирует Бульчин. – Рамин придумал свою геометрию положительной кривизны сто двадцать пять лет назад.

Лева морщится: все никак не может привыкнуть, что не он – самый умный математик в классе. Вот и сейчас: кто его знает, что такое геометрия Рамина? Полминуты Лева раздумывает, не сказать ли: «А геометрия отрицательной кривизны – и того раньше!» – но решает не рисковать. Может, геометрия отрицательной кривизны вообще невозможна? Или, напротив, придумана две с лишним тысячи лет назад, и остроумная реплика только выдаст Левино невежество?

На последней странице тетради Лева пишет: «Геометрия Рамина, она же геометрия положительной кривизны – смотреть в библиотеке!» Хорошо бы книжку про эту геометрию выдавали на дом, думает Лева, я бы в метро читал. Все-таки полчаса в один конец – полным-полно времени.

Когда полтора года назад Лева сказал маме, что хочет поступать в математическую школу, но не в ту, которая рядом с домом, а в знаменитую Овсянниковскую, мама удивилась: зачем тебе так далеко ездить? В конце концов, соседская школа тоже вполне достойная, известные учителя, хорошая программа, 85% выпускников поступают...

– А в Школе поступают сто процентов! – воскликнул Лева. – Даже сто сорок шесть, если считать тех, кто учился, но не закончил.

– А кто Шурку будет в школу водить?

– Взрослая уже, – ответил Лева, – сама дойдет. Я в четвертый класс сам ходил!

Тем более, добавил он про себя, «пятнашки» после той давней взбучки стали тише воды, ниже травы – малышей не обижают, взрослых ребят не трогают. Вот что значит – спланированный организованный отпор!

– А с друзьями не жаль расставаться?

Лева тогда только пожал плечами: жаль, конечно, но математика – такое дело, надо спешить, пока молодой. После тридцати математик уже выдыхается. Кто раньше начнет – тот и победитель, всегда так было. А друзья – ну, мы же все равно рядом живем, куда они денутся?

Насчет победителя – это еще надо будет посмотреть, а насчет друзей Лева ошибся: живут-то они по-прежнему рядом, но времени нет совсем. Даже в выходные сиди над домашней работой – Лева никогда не думал, что домашка по математике может быть такой сложной.

Бульчин рисует на доске крестики, чем дальше, тем больше напоминающие снежинку. В классе слышен шорох ручек по клетчатым листам – девять мальчишек старательно копируют рисунок.

Вообще-то в классе учится тридцать пять человек (из них три девочки), но дополнительные семинары каждый выбирает сам: к Бульчину записалось тринадцать человек, но четверо сегодня больны противным осенним гриппом.

– Что такое фракталы? – спрашивает Саша Бульчин и сам отвечает: – Проще всего нарисовать какой-нибудь пример. Вот этот крест – если мы на каждой ножке нарисуем еще один крестик, поменьше, а потом на следующих ножках еще поменьше и так продолжим до бесконечности, то что мы получим? Мы получим фигуру, где любой фрагмент подобен целому. Вот эта ножка, а на ней множество крестов... или вот эта, еще в два раза меньше...

Клево, думает Лева. Значит, фрактал – это такая штука, где маленькая часть в точности повторяет целое. Еще одна бесконечность, и она открывается вот так, буквально на ровном месте, – как, скажем, два зеркала, которые отражаются друг в друге.

– Я привел только один пример, – говорит Бульчин, – но можно нарисовать еще вот такую картинку, – и он рисует на доске круг, к которому по бокам на тонких ножках присоединены кружки поменьше, а к ним – еще меньше, – или какую-нибудь другую. Но самое интересное: реальные природные объекты имеют фрактальную структуру. Если вы посмотрите на облака или горы, вы увидите такую же ажурность, как я пытался здесь изобразить.

Значит, каждый раз, когда я гляжу в небо, я вижу там фракталы! думает Лева. Эх, как же я не задумывался, какая у облаков хитрая геометрия?

– Я сказал «ажурность», – продолжает Бульчин, – но точнее было бы сказать «дробная размерность». Что я имею в виду?

И тут, на самом интересном месте, раздается стук в дверь.

– Войдите! – царственно говорит Бульчин.

Интересно, кто это является к середине семинара? думает Лева, но в проеме показывается голова незнакомого мальчика из восьмого класса:

– Лева Столповский здесь? – спрашивает он. – Тебя директор срочно ищет.

Лева запихивает тетрадь в сумку, на ходу бросает Вольфину:

– Сереж, я у тебя перепишу завтра, хорошо? – и вот уже идет по коридору следом за восьмиклассником.

Лева совсем не волнуется – за ним не числится никаких особых безобразий, а с отметками даже лучше, чем у половины класса. Если быть точным – чем у 55% класса! Ну, ничего, к концу года он обязательно войдет в тройку лучших, хотя бы по алгебре.

Мимо с гиканьем проносятся пятеро школьников из выпускного: кажется, они затеяли играть в чехарду. Хочется верить, что правила изменены в согласии с каким-нибудь хитрым математическим законом – было бы странно, если бы без пяти минут студенты играли в *обычную* чехарду. Можно, например, прописать замкнутую алгебру с пятью членами, составить матрицу взаимодействия и в зависимости от того, кто через кого прыгнул, определять, чей следующий ход.

В Школе любили подобные игры: на прошлой неделе Вольфин научил восьмиклассников играть в Теорию Большого Взрыва или, точнее, в Теорию Пульсирующей Вселенной. Игра состояла из нескольких циклично повторяющихся фаз: протовещество, Большой Взрыв, вселенная расширяется, а потом, разумеется, сжимается. Правила были просты: сначала все сбиваются в кучу как можно плотнее, потом тот, кто в середине, говорит «БАМ!», и все бросаются врассыпную, изображая фазу расширения. Соответственно, фаза сжатия начинается, едва кто-нибудь добежит до стены и кричит «ХЛОП!». Тогда все бегут назад, снова сбиваются в кучу и все начинается сначала.

Шагая по коридору, Лева пытается придумать игру во фракталы, но не успевает – кабинет директора ближе, чем хотелось бы.

Самого Овсянникова в кабинете нет, зато за директорским столом сидит незнакомый мужчина в джинсах, ковбойке и очках. Так изображают в фильмах молодых физиков – немного бесшабашных, но чертовски талантливых. Если бы Лева видел физиков только в кино, он бы сразу поверил этому человеку.

– Ну что же, Столповский, – говорит мужчина, – приятно лично познакомиться. Давай, присаживайся, не стесняйся...

Вряд ли мы будем обсуждать интересные научные вопросы, думает Лева.

На мгновение за очками он видит глаза собеседника – холодные, серые, безжизненные.

5.

В тот раз Гоша с Вадиком вышли из клуба вместе, вспоминая самые прикольные шутки и посмеиваясь, словно двое давних друзей. Как будто два года назад Марина не заманила в ловушку Вадика с друзьями – в отместку за то, что они избили Леву, нарушив все правила честной драки. Как будто Гоша не сбил его тогда с ног умелым приемом об-гру прямо на глазах у проходившей мимо Аннабель – Гоша тогда был в нее немного влюблен, и ему еще долго было перед ней стыдно.

Теперь, конечно, Вадика так легко с ног не собьешь – он и тогда был крупнее Гоши, а за два года вымахал еще и вширь. Там, в туалете, оглядев старого противника, он довольно расхохотался и сказал:

– А, я тебя помню, ты из двадцать девятой. Вы нам еще у гаражей наkostenяли в седьмом классе. Отлично тогда помахались.

Все эти годы Гоше казалось, что они вовсе не «отлично помахались», а обратили в бегство растерянного и деморализованного противника, но если Вадика так больше нравится, то и пусть.

– Ага, – сказал он, – тебя Вадик зовут, я помню. А меня – Гоша.

Они пожали друг другу руки, как Аранян и Рофор в финале «Четырех мушкетеров».

И вот Гоша сидит у Вадика дома, уже который раз пялится на приклеенные к стене глянцево-картинки. Интересно, откуда они? Вот эта девушка похожа на Марину, а вон та, в короткой юбке и с большой грудью – на Олю Ступину, их старосту. А вот эта, в купальнике, на песчаном пляже – на подружку героя из франкской комедии, той самой, на которую он пошел без Ники.

– Где достал? – спрашивает Гоша.

– Ну, чё-то стибрил, чё-то подарили, – отвечает Вадик, – а чё-то выменял... как еще?

– Где выменял? На «черном рынке»? – спрашивает Гоша.

Сам он никогда не был на «черном рынке» и еще год назад был уверен, что «черный рынок» – это такое место, где собираются сомнительные личности, всякие спекулянты и ещётники. Это потом Марина объяснила: «черный рынок» – совсем не рынок, скорее сеть знакомств, через которую можно купить то, чего не бывает в магазинах.

– Дурак ты, Гошка! – говорит Вадик. – Кто ж такое на «черный рынок» потащит? Там серьезный товар: шмотки, шузы, техника, музон... А это так... мелочевка! У меня старший брат, Димка, в этих делах крутится, вот и приносит. Скажем, хочет какое-нибудь министерство купить себе мертвых тачек – им из Заграничья присылают каталог, ну, чтобы тачки выбрали. А в каталоге не только машинки, но и телки. И, значит, министерство тачки себе заказало, а каталог – ну, секретарше достался или еще какой-нибудь шестерке. Тут мой братан подваливает, скажем, с франкскими колготками. Туда-сюда, одна цена, другая, ну, он вроде как скидывает, а секретарша ему этот каталог. Ну, а брат его – прямехонько сюда, мне в подарок. А я потом с другими пацанами меняюсь, ну, когда надоедает. Понял теперь?

Гоша кивает и растерянно бредет вслед за Вадиком на кухню. Несколько тараканов в испуге юркают под плинтус.

– Боятся, суки, – довольно говорит Вадик, – чуют хозяина! – и не то хохочет, не то хрюкает.

Сейчас он похож на какого-то некрупного зверя – скорее добродушного, чем опасного.

На кухне картинки поприличней – машин больше, чем людей, и все девушки одетые. Вадик смахивает крошки со стола и ногой подвигает табурет:

– Садись, давай.

Чай у Вадика крепкий, густой, в буквальном смысле слова черный. Кажется, сунь ложку – пропадет.

– А откуда у твоего брата мертвые колготки?

– Откуда-откуда, – хмыкает Вадик. – Вот, скажем, какой-нибудь мертвый приезжает и привозит с собой всякое на продажу – шмотье, жвачку, мафоны, джинсы, кто чё. К нему в гостинице подходит, например, официант или горничная, спрашивают на егонном мертвом языке: «Есть чё?» – ну, он им и продает.

– А они уже – твоему брату?

– Хе! Если бы! У них есть, кому продавать. Димка мелочевку всякую пасет. Ну, скажем, тот же иностранец не сторговался с официантом и ушел недовольный. А на улице подваливает студент какой или я уж не знаю кто. Опять же – «есть чё?» – спрашивает. Их так и называют, «ещётники»

– Я думал, это от слова «ещё», – говорит Гоша.

– Не, это от «есть чё?», я точно знаю, мне брат говорил. – Вадик отхлебывает горячий чай и недовольно морщится. – Ну, короче, Димка к этому ещётнику подходит и у него товар, ну, скажем так, покупает. По хорошей цене.

Гоша представляет себе эту покупку *по хорошей цене*, и ему становится жалко неведомого ещётника: сначала унижайся, упрашивай мертвого продать чего-нибудь, а потом придет такой Димка и все отберет за копейки.

В журнале «Аллигатор» Гоша видел карикатуры, где скользкие изгибающиеся существа, почти не похожие на людей, изображали ещётников. На одной картинке остались только вещи – мертвые джинсы, остроносые туфли, оранжевые носки, клетчатый пиджак, перчатки и перекинутые через руку галстуки. Вместо головы у ещётника была вешалка, изогнутая вопросительным крюком.

И вот приходит такой Димка, берет за этот крюк и трясет...

– Я когда на мертвые вещи смотрю, знаешь чё думаю? – говорит Вадик. – Мы вот в мае отмечаем Проведение Границ, так? А зачем оно было – не знаем. Кому, типа, понадобилось?

– Ну как, – опешил Гоша, – тебе же в школе наверняка говорили. До этого мертвые командовали живыми, а теперь их разделили, и все могут жить отдельно. У живых своя жизнь, свободная.

А ведь я могу сказать что-то вроде: «Моя мама когда-то считала, что до Проведения Границ было лучше» – или даже: «Моя мама однажды попробовала разрушить Границу», думает Гоша. А лучше всего: «На самом деле я тоже мечтаю, чтобы Границу разрушили».

Вот только Гоша не знает, хочет ли он разрушить Границу. Когда-то хотели его родители, Ника мечтает до сих пор... А он сам?

Гоша не знает, чего хочет, – и поэтому как дурак повторяет привычные школьные слова:

– ... и после Проведения Границ живые стали гораздо лучше жить, потому что мертвые больше ими не управляют.

– Это я все сто раз слышал, – машет рукой Вадик. – Но ты глянь: вот мои предки работают на заводе. Уходят ни свет ни заря, приходят – уже темно. Мать по дому шестерит, фатер сразу к бутылке... телик посмотрят – и на боковую. Чего их завод фигачит – они и сами не знают. Собирают какую-то муть на конвейере. Вот ты скажи – хреновая у них жизнь, так?

– Выходит так, – соглашается Гоша. – И у моих предков, кстати, та же история...

– Ты про своих погоди, – перебивает Вадик, – ты мне ответь: если бы мертвые попрежнему были за главных – чё бы изменилось? Фатер с мамой так же бы вкалывали...

– До Проведения Границ они бы работали больше, – неуверенно говорит Гоша.

– Ты чё говоришь? – возмущается Вадик. – Ты сходи, на конвейере постой. Там *больше* уже некуда. Точно так же они бы горбатились всю жизнь – зато потом стали бы мертвыми, и все бы у них было тип-топ. Зато тогда в магазинах, говорят, мертвого шмотья было зава-

лись. Кому плохо? Разве вот Димке пришлось бы другую работу себе искать, – хохочет он, – но Димка и так бы не пропал, я в моего братана верю! – И он снова ухает.

Гоша замирает. Он много раз слышал, что до Проведения Границ было хуже, его родители когда-то верили, что было лучше, но никто никогда не говорил ему, что было *так же*.

– Сделал я тебя, да? – Вадик смеется. – Нечем крыть? Вот я и считаю, что лучше лохов бомбить, как Димка, чем на фабрике горбатиться. Согласный?

– Ну-у-у, – тянет Гоша, – я все-таки думаю, как-нибудь по-честному можно.

– Это тебе можно по-честному, – говорит Вадик, – у тебя родители профессора. А нам с Димкой по-честному хрен пробьешься. Ты вот в школе учишься, а я в техникуме. Сечешь разницу?

Если так дальше пойдет, думает Гоша, разницы уже не будет: меня выпрут из школы, и я пойду в тот же самый техникум.

– Ты говоришь: по-честному! – продолжает Вадик. – Вот я тебе сейчас такое расскажу – закачаешься! Помнишь у меня в комнате блондинку без лифчика – ну, под душем стоит? Знаешь, откуда?

Гоша безразлично качает головой.

– Так вот слушай! Когда дипломаты или там орфеи из Заграничья возвращаются, они с собой везут не только мертвые джинсы или там мафоны, еще и журналы с книгами. Конечно, после Границы их шмонают и все такое отбирают – потому что, ну, мертвые журналы еще страшнее мертвых вещей. Считается, что эти журналы потом уничтожают, но на самом деле их свозят на секретный склад. Знаешь, зачем?

– Чтобы мальчишки про это байки травили, – говорит Гоша. – «В секретном-секретном городе есть секретный-секретный склад...» Даже если эти журналы и есть, их наверняка сразу уничтожают.

– Фигушки! – ухает Вадик. – Журналы есть, и они лежат на складе! А те, из Учреждения, кто склад охраняет, их тихонько распродают. Понемногу, конечно, и только проверенным людям. Стоят они – закачаешься! Ты представь – не какой-нибудь мертвый каталог, а настоящий мертвый журнал! С голыми телками! Вон где настоящее бабло! А ты говоришь – по-честному!

– Вот бы этот склад ограбить! – смеется Гоша и думает: родителям не пришлось бы больше на заводе работать, и на Университет было бы наплевать.

– Ну ты даешь! – хохочет Вадик. – Ограбить! Его, небось, охраняют, как крепость какую!

– Да ладно, – веселится Гоша, – крепость! В любую крепость можно пролезть! Скажем, подземный ход прорыть... или по стене забраться.

– По пожарной лестнице, да?

– Вот именно! – Гоша смеется. – Жалко, мы не знаем, где этот секретный-секретный город.

– Да никакой он не секретный, – говорит Вадик, – час на электричке, станция Александровск, Димка туда ездил пару раз, товар забирал.

И тут Гоша перестает смеяться, смотрит на Вадика, а потом говорит, сам не веря своим словам:

– Я, между прочим, не шучу, на тему ограбить.

6.

День не задался с самого начала: ночью остановился будильник, и вместо того чтобы проснуться в семь утра, умыться, позавтракать и прийти за десять минут до начала уроков, Ника проснулась без пяти восемь, и то тетя Света случайно разбудила – решила встать пораньше, спешила успеть к открытию универмага. Два дня назад ей опять стало плохо, и лучше бы сегодня отлежаться, но знакомая продавщица сказала, что обещали завезти полонские туфли – не хотелось упустить.

К школе Ника прибежала в 8:35 – и сообразила, что можно было и не спешить: первым уроком литература.

Ника отряхивает снег с капюшона, постукивает друг о друга заснеженными ботинками. Проходит в раздевалку, вешает куртку на крючок и переобувается. Не спеша завязывает шнурки на кедах и думает, где лучше провести первый урок: здесь или в школьной библиотеке? Не успевает ничего решить – хлопает дверь, порыв морозного воздуха врывается в вестибюль, а вместе с ним влетает запыхавшийся Кирилл.

– Привет, – говорит он. Его мертвая парка вся в снегу, дутые сапоги оставляют за собой сугробы. – Ты чего здесь сидишь? Урок уже начался.

– Потому и сижу, что начался, – отвечает Ника. – Ксения опоздавших не пускает.

– А-а-а, – задумчиво тянет Кирилл. – Даже если на пять минут?

– Даже если на две, – уверенно говорит Ника. – У нее принципы.

Кирилл стряхивает снег прямо на пол и вешает парку на крючок.

– Ненавижу людей с принципами, – говорит он. – Это моя принципиальная позиция.

Ника хихикает.

– Ксения – она вообще-то ничего, – говорит она. – Ей просто трудно с нами: раньше-то у нас литературу Павел Васильевич вел, он очень классный был, мы все его любили.

– А что с ним случилось? – спрашивает Кирилл, надевая мертвые кроссовки. – Выгнали?

– Нет, почему выгнали? Ушел на пенсию, он старый уже, шестьдесят пять исполнилось.

– Понятно. – Кирилл застегивает липучки и выпрямляется. – И поскольку вы его любили, Ксения делает все, чтобы любить ее вам было трудно. Соблюдает, так сказать, профессиональную этику. Мол, нам чужого не надо.

– Да ладно тебе, – говорит Ника. – Она хотя бы рассказывает интересно.

– Это все глупости, – говорит Кирилл. – Посуди сама. Вот на прошлом уроке мы говорили про слезинку ребенка. Мол, в «Сестрах Керримазовых» сказано: вся красота мира не стоит слезы ребенка, так?

– Ну да.

– Это же чушь. Как можно сравнивать? Как будто есть такой рынок, где нам предлагают: вот, мол, красота мира – а вот слеза ребенка, маленькая такая слезинка. Давайте, типа, меняться. Красоту – на слезинку. Не подходит? Тогда давайте красоту целых двух миров – нашего и Заграницья – на одну слезинку. Две красоты – за одну слезинку! Хорошая цена, дорогой, сам посмотри! Скидка – пятьдесят процентов. По рукам? Почему нет, почему отказываешься? Эй, дорогой, не уходи, я тебе еще скидку дам! Две красоты – за полслезинки! А на сдачу я еще отсыплю мировой справедливости и вселенской отзывчивости! Бери, не пожалеешь, эй, дорогой, туда не ходи, там красота бракованная, тухлая, тьфу! Слезинка зазря пропадет! Лучше у меня возьми!

Ника смеется: так похоже Кирилл изображает рыночного торговца-южанина.

– На самом деле красота мира не стоит ничего, – говорит Кирилл, – она не продается и не меняется. Она просто есть. И слезинка тоже просто есть. И мы не можем сделать, чтобы их не было, – не только все слезы не вытрешь, но даже всю красоту не порушишь, что уж совсем удивительно.

– Имеется в виду, что нельзя оправдывать чужие страдания той пользой, которую они приносят другим людям, – говорит Ника. Ей не хочется спорить, но слишком уж Кирилл безапелляционен.

– Опять ошибка, – Кирилл поднимает палец, – где здесь сказано о *чужих* страданиях? По большому счету мы с тобой тоже – два ребенка. Ну, или были два ребенка пять лет назад или десять. И, значит, наши слезы тоже ничем не могут быть оправданы. Отец меня в кино не пустил на мертвый фильм, который детям до шестнадцати, – я, конечно, рыдать. Все, приплыли. Нет ему оправдания. Отольется ему моя слезинка. А я в детстве так ревел, что одной слезинкой дело не ограничивалось. И что отсюда следует? – Кирилл решительно берет Нику за руку и уводит вглубь гардероба к окну. – Отсюда следует, что моим страданиям нет никаких оправданий, и я должен их любой ценой избегать. Можно сказать, это мой нравственный долг. Хорошая мораль?

– Немного странная, – отвечает Ника. – У меня, во всяком случае, так не получится.

– Это потому, – говорит Кирилл, – что в школе нас не тому учат. Если бы с первого класса нам объясняли, что мы должны прежде всего следовать своим желаниям и избегать собственных страданий – мир был бы полон счастливыми людьми.

Снег за окном – как сплошной белый занавес. Ника и Кирилл сидят на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрят, как белые хлопья сползают по стеклу.

– Ты в какой школе раньше учился? – спрашивает Ника.

– В Фэйрмедоу Хай Скул, – отвечает Кирилл, – знаешь такую?

– Нет, – качает головой Ника.

– Это там, – Кирилл неопределенно машет рукой, – в Заграницье. У меня родители там работали, я последние три года все больше по ту сторону Границы ошивался.

– Ух ты! – говорит Ника и сразу вспоминает Гошу: это он всегда так говорит.

Интересно, думает она, Кирилл знает Майка? И следом за этой мыслью тут же вторая: а два года назад я бы прежде всего подумала про маму и папу. А теперь – все, больше не верю, что они где-то там, что помнят обо мне, помнят себя здешними.

– Там прикольно, – говорит Кирилл. – Опять же, шмотки, музыка, фильмы... и книги, кстати, тоже. Вообще на мертвых языках написано гораздо больше, чем на нашем всеобщем. Ну и, понятно, есть такое, про что у нас вообще никогда не напечатают.

– То-то вчера на уроке Михал Владимыч обалдел, когда ты пошел Ступину дополнять, – хихикает Ника. – Он, небось, сам об этом впервые слышал.

– Да наверняка, – кивает Кирилл. – Он, я думаю, вообще на инглском и франкском ни бум-бум. Ты-то читаешь?

– Ну, немного, – говорит Ника, – только медленно очень.

– Если тебе интересно – я могу принести... про вчерашнее. «Священная жертва» называется. Франк какой-то написал, но у меня только инглиский перевод.

– Принеси, конечно, – кивает Ника.

– Ты только не трепись об этом, – говорит Кирилл, – типа, при посторонних или там по телефону...

– А почему по телефону-то нельзя?

Кирилл удивленно смотрит на нее.

– Так Учреждение же все разговоры слушает! – объясняет он. – Там сидят специальные люди, круглые сутки, и слушают.

– Да ладно! – восклицает Ника. – Прямо всех, что ли, слушают?

– Ну, не всех, конечно, но нас слушают наверняка, – говорит Кирилл. – Мне родители, как мы сюда вернулись, целую лекцию прочитали: по телефону не говори, с незнакомыми не болтай, мертвые книжки в школу не носи и так далее.

– А чего же ты со мной болтаешь? – спрашивает Ника.

– Я тебе доверяю, – улыбается Кирилл. – И к тому же тебя можно считать знакомой. Мы же одноклассники, забыла?

Ника смеется.

– Слушай, – говорит она, – я вот еще хотела вчера спросить. Ты на что намекал, когда говорил про «трагические события последних шестидесяти лет»?

– Ты, видать, совсем темная, – качает головой Кирилл, – это ж ежику понятно. Минус пятый год, что еще?

– Ну да, минус пятый... – говорит Ника, но тут оглушительным грохотом взрывается звонок, и вот уже гардероб наполняется криками и визгом младшеклассников, кубарем скатившихся по лестнице.

– Пошли, – говорит Кирилл, – а то и на второй урок опоздаем.

Но на второй урок Нике тоже не удастся попасть – на лестнице ее останавливает Рыба:

– А, Логинова, вот ты где! А мы тебя обыскались! Ну-ка, быстро в мой кабинет!

– Что случилось, Валентина Владимировна? – теряется Ника.

– Там узнаешь, – говорит Рыба. – Давай скорее, тебя уже полчаса ждут.

Мужчина за большим столом сразу не понравился Нике. Вероятно, он должен был напоминать доброго доктора из детских сказок – бородка, чуть тронутая сединой, мягкая улыбка, очки в черепаховой оправе. К сожалению, очки не скрывают глаз – серых, безжизненных, – и эта деталь полностью разрушает старательно выстроенный образ.

Перед ним раскрытая папка, внутри какие-то бумаги и фотографии.

– Ну, здравствуй, Вероника, – говорит мужчина с доброй улыбкой. – Давно хотелось задать тебе несколько вопросов. Так что садись, пожалуйста. Разговор у нас будет долгий.

– Добрый день, – отвечает Ника, присаживаясь на краешек стула. Рыба тяжело дышит за спиной.

– Вы тоже садитесь, Валентина Владимировна, – говорит мужчина. – Но если у вас какие-то дела – не буду задерживать.

– Я здесь посижу, – говорит Рыба, – все-таки я отвечаю за этих детей.

– Очень правильно, – кивает мужчина, – ответственный подход, одобряю. – Серо-стальные глаза смотрят прямо в лицо Нике. – Скажи мне, Вероника, давно ты видела своего одноклассника Георгия Ламбаева?

Вот так вопрос, думает Ника. Когда он последний раз был в школе – тогда и видела. И слышала тогда же. Вчера собиралась позвонить вечером – но опять у него никто трубку не поднял. Надо будет зайти сегодня.

– На прошлой неделе, когда он в школу приходил. Он, кажется, болеет.

– Кажется – или в самом деле болеет? – спрашивает мужчина.

– Я не знаю, – говорит Ника, – я с ним не разговаривала.

– Что же так? Он ведь твой друг, я правильно понимаю?

– Ну да, – Ника пожимает плечами, – мы дружим, а что?

– Как же ты бросила друга в беде? – говорит мужчина, и даже эти вполне нормальные слова звучат как-то фальшиво. – Понятно же, мальчик сбился с пути, тяжелый возраст. Прогуливает школу, забросил спорт, с родителями, конечно, тоже проблемы. Правильно я говорю?

Как бы не так! думает Ника. За дурочку меня держит, что ли? Я друзей не выдаю.

– А у него разве проблемы с родителями? – отвечает она равнодушно, стараясь сдерживать злость. – Я думала – он болеет, а не прогуливает.

– Ай-ай-ай, – качает головой мужчина. – Ты, Вероника, наверное, считаешь, что помогаешь товарищу, так? А на самом деле ты не даешь нам ему помочь! Ведь если не вмешаться, придется исключить Ламбаева из школы, отправить в техникум или даже в интернат. Но все вместе мы еще можем исправить положение – я имею в виду, всех нас: школу и его друзей.

– Сделаю все, что в моих силах, – отвечает Ника, со всей искренностью, на какую она способна. Главное – не засмеяться.

– Вот и хорошо, – кивает мужчина, – очень хорошо. Я думаю, если мы хотим помочь Ламбаеву, для начала нам надо разобраться – что же у вас случилось полтора года назад на Белом море. Ты ведь расскажешь мне, Вероника? Не будешь больше врать?

И пристально смотрит прямо в глаза поверх черепаховых очков.

7.

– Добрый доктор? – переспрашивает Лева. – А мой скорее безумный ученый. Но глаза такие же мерзкие.

Они стараются говорить шепотом, хотя сидят в Никиной комнате за плотно закрытой дверью. Предосторожности, конечно, лишние: тетя Света не Шурка, подслушивать не будет.

– Значит, тебя спрашивали то же самое? – уточняет Ника.

– Ну да, – кивает Лева. – Как погибла Зиновья, откуда взялся Федор, а потом фульчи и упыри...

– Куда девались пистолеты, из которых их убили...

– И откуда они там появились...

– Короче, – говорит Ника, – то же самое, что полтора года назад.

– Ну, я им и отвечал как договорились: Зиновью задрали зомби, и, чтобы она не превратилась в упыря, Федор застрелил ее из своих пистолетов. Нас он подобрал в лесу, когда мы заблудились, – а потом погиб, защищаясь на литорали от упырей.

– А потом появилась мама Гоши, а упыри исчезли. И нас подобрали спасательные вертолеты.

– Кстати, – говорит Лева, – есть единственный вопрос, который я уже давно хочу кому-нибудь задать. Откуда там вообще взялись эти вертолеты, если мы их не вызывали?

– Вот лишних вопросов лучше не задавать, – говорит Ника. – Хорошо еще, что на те, которые есть, можем ответить.

– Это Марина молодец, все так хорошо продумала, – говорит Ника.

Лева кивает. Как же он все-таки соскучился по Марине! Да не только по Марине, по ним всем – по Гоше, по Нике, по временам, когда они были все вместе, вчетвером, как герои любимых детских книг. Один за всех и все за одного, вот именно. Когда они были уверены, что справятся с любой бедой, – потому что они друзья и всегда будут вместе.

А теперь... разве ж они вместе? Марина уехала, Гоша где-то пропадает, да и сам он – словно предал кого-то.

Хотя разве это предательство? Он ведь просто перешел в другую школу, если честно – в лучшую школу на свете! И разве он виноват, что домашка там такая сложная и больше ни на что нет времени?

Может, они просто выросли, и их дружба осталась в прошлом, как остались в прошлом любимые детские игрушки, без которых когда-то ни лечь спать, ни пойти на прогулку? Игрушки убрали на антресоль, а куда убрать старую дружбу – спрятать на самое дно памяти, извлекать на свет только по особым случаям?

– Надо позвонить Гоше, – говорит Лева, – предупредить его.

– Давай, – кивает Ника, – я сейчас телефон принесу.

Через минуту она возвращается с большим аппаратом на длинном проводе. У Левы дома было два телефона, и каждый раз, когда он звонил кому-то, Шурка бежала подслушивать. Приходилось кричать: «Шурка, положи трубку» – и только после этого говорить. Оба аппарата стояли на своем месте, провод у них был короткий – наверное, родители не хотели, чтобы аппараты таскали по квартире. Видать, мама боится – вдруг кто-нибудь споткнется о провод и упадет.

Левина мама вообще опасается самых невинных вещей – Леве даже смешно: тот, кто пережил фульчи-атаку, уж точно может выходить на улицу без шапки и кататься по перилам.

– Давай лучше Марине сначала, – говорит Ника, – а то я... ну, короче, я Гоше уже много раз звонила.

Лева пожимает плечами: да пожалуйста, можно и Марине.

Милые бранятся – только тешатся, думает он. И не надоело им ругаться? В прошлом году они с Мариной то и дело их мирили, а сейчас, похоже, и мирить некому.

Крутит телефонный диск – почти такой же, как у того самого *интердвижка*, который и вызвал к ним Орлока, – слышит гудки в трубке, потом голос Мариной мамы.

– Добрый день, тетя Наташа, – говорит Лева, и тут Ника нажимает на рычаг. – Ты чего?

– Не надо по телефону рассказывать, – говорит Ника. – Я слышала, Учреждение все прослушает и даже записывает.

– По-моему, ты начиталась книг про шпионов, – пожимает плечами Лева, – но как хочешь. Давай я просто скажу, что мы зайдем?

Ника кивает. Лева снова набирает номер.

– Марина, привет, – говорит он, – как дела?

– Нормально все, – отвечает Марина, – только устаю в новой школе. И без вас скучаю.

Скучает она, думает Лева, как бы не так! Сама ни разу не позвонила!

– Ты знаешь, – говорит он, – мы бы к тебе заехали. Скажем, в воскресенье утром. У нас, понимаешь, образовались некоторые проблемы.

– Очень даже понимаю, – отвечает Марина, – у меня тут тоже образовались некоторые проблемы. Но я лучше при встрече расскажу, ладно?

8.

Для Марины «некоторые проблемы» начались с черной машины, которая утром того же самого дня ждала ее около школы. Ей бы, конечно, и в голову не пришло, что машина – полированная, с темными стеклами, с серебряной звездой в круге на капоте – ждет именно ее, но когда Марина выходила со двора вместе с Люськой и еще двумя одноклассницами, клаксон тихо квакнул. Они обернулись – из раскрытого окна Марине помахал дядя Коля.

– Это за тобой? – с уважением спросила Люська, затягиваясь мертвой сигаретой.

– Ну да, – кивнула Марина, словно это в порядке вещей, что за ней присылают черную машину с затемненными стеклами. – До завтра.

Сама не зная почему, она не рассказала девочкам, как сидела за одним столом со «старпомом Валентином» и «студентом Лео», которого, как знали все, кроме нее, на самом деле зовут Илья Гурамов. Уже потом Марина вспомнила, что когда-то видела и другие его фильмы – «Сын подпольщика», «Неуловимый», еще какую-то ерунду.

В жизни Илья оказался гораздо красивей, чем в кино, – Марина до сих пор злится, что не смогла его сразу отшить. Эх, увидеть бы снова – она бы ему показала!

– Вот, Маринка, проезжал мимо, решил заодно тебя забрать, – говорит Николай Михайлович. – Володька разрешил, можно с тобой в кафе-мороженое съездить, побаловать, так сказать, любимую племянницу.

– Спасибо, дядя Коля. – Марина улыбается, но не верит ни единому слову: не такой человек ее дядя, чтобы на ровном месте приехать за ней на служебной машине.

До центра доехали быстро, минут за пятнадцать, дядя Коля сказал: «попали в зеленую волну». Было приятно так ехать, обгоняя редкие легковушки и неповоротливые троллейбусы, засыпанные снегом, валившимся на город. Марина смотрела на дворники, сметающие белые хлопья с лобового стекла, и думала, что, в общем-то, вполне неплохо работать в Министерстве, даже если и не ездить в Загранице, все равно – куда приятней на машине, чем на метро или троллейбусе.

Звезда в серебряном круге рассекала воздух, словно форштевень корабля: служебная машина Учреждения ехала сквозь город, как «Посейдон» сквозь суровые воды океана. Впереди по курсу не предвиделось никаких айсбергов – разве что в витрине кафе-мороженого «Подводный мир», где пластмассовые рыбы покачивались в воздухе, а сверху висели плавающие ледяные горы.

Впрочем, как известно, пассажиры «Посейдона» тоже не ожидали столкновения.

Себе дядя Коля заказал пятьдесят грамм коньяка, а Марина в конце концов взяла крем-брюле с клубничным вареньем. Мороженое принесли в высокой хрустальной вазочке, напоминающей большой бокал: внутрь поместилось три шарика, бежевых, в ярко-красных клубничных разводах.

Крем-брюле, разумеется, холодное, и Марина думает: что за дурацкая идея есть мороженое в первую неделю зимы?

С другой стороны, куда еще дядя Коля ее позовет – не в ресторан же?

Она откладывает ложечку и выжидающе смотрит на папиного брата. Мол, спасибо за приглашение, все очень вкусно, но давайте уже к делу.

Дядя Коля выпивает коньяк, закусывает лимончиком и небрежно спрашивает:

– Понравилось у нас на празднике?

– Да, спасибо, – отвечает Марина, – было очень клёво. То есть интересно, – тут же поправляется она.

– Ты понравилась Юрию Устиновичу, – говорит дядя Коля с такой интонацией, будто весь мир знает, кто такой Юрий Устинович и какая это высокая честь – ему понравиться.

– Спасибо, – отвечает Марина и не спрашивает, чем занимается этот не очень-то симпатичный человек со стальными глазами, сверкающими из-под седых бровей.

– Это, Марина, открывает для тебя особые возможности, – говорит дядя Коля. – В том смысле, что после десятого класса ты можешь поступить в специальную Академию при Учреждении.

– И на кого там учат? – спрашивает Марина.

– Ну, там разному учат. – Дядя Коля откидывается на спинку кресла, – В частности – методам перехода Границы и технологиям работы в Заграницье.

Тут как раз хорошо выдержать паузу – и Марина съедает еще ложечку, а потом неуверенно говорит:

– Я как-то никогда об этом не думала.

Конечно, думала. Еще когда они вытащили Майку *оттуда* – думала. И когда вернулась Гошина мама – тоже. И каждый раз, когда надевала мертвые вещи или слушала мертвую музыку.

Думала: хорошо бы оказаться *там* – но никогда не думала, что это может быть профессией. Скорее, мечтала, как все получится само собой, почти случайно.

Впрочем, может, это и есть – само собой? Прийти на праздник, познакомиться, получить приглашение?

Само собой – может быть. Но никак не случайно. В такие случайности Марина не верит.

И поэтому она катает в вазочке тающий шарик, глаза опустила, тихоня тихоней.

– А ты подумай, – говорит дядя Коля. – Это, между прочим, редкий шанс.

– Я только не пойму, – отвечает Марина, – почему я? Я ведь самая обычная девочка.

Дядя Коля смеется:

– Скромница ты наша! Обычная девочка! Да мы за тобой давно следим! У тебя выдержка, сила воли, лидерские качества... талант, в конце концов!

Давно следим? Насколько давно? Последний год? Последние полтора?

Именно этот вопрос и нельзя задавать – и поэтому Марина (выдержка, сила воли, лидерские качества) молча отправляет в рот еще ложечку подтаявшего мороженого.

– Ты думаешь, я просто так тебя на праздник позвал? – продолжает дядя Коля, – Конечно, нет! И не только для того, чтобы тебя с Юрием Устиновичем познакомить, но и чтобы показать все наши возможности. Хочешь проводить время с музыкантами и кинозвездами – пожалуйста. Красивые мертвые вещи – сколько хочешь, законно и не по ценам «черного рынка». Хочешь съездить в Заграницье – оформляй командировку и вперед. Не работа – мечта.

Дядя Коля довольно смеется.

Странно, думает Марина. Люди, которые взаправду любят свою работу, никогда ее так не расхваливают.

– Вот, скажем, Илья Гурамов. Он тоже тобой заинтересовался и даже телефончик спрашивал. Дать ему, кстати, или не надо?

С такими вопросами, думает Марина, мороженое скоро закончится, и паузу будет нечем занять. Она пожимает плечами и с деланным равнодушием говорит:

– Да, конечно, если просит – дайте, пожалуйста.

– Хе-хе! – улыбается дядя Коля. – Ты, племянница, своего не упустишь, это я вижу! Короче, ты подумай насчет Академии, время еще есть.

Он подзывает официантку – худощавую блондинку на высоких каблуках, в накрахмаленном фартуке, вроде как у парадной школьной формы, – и заказывает еще пятьдесят коньяку.

– И мне еще шарик пломбира, – говорит Марина.

Что-то подсказывает: разговор только начался.

За окном падают крупные хлопья снега. Ника уже пришла домой и один за другим набирает номера Гоши, Левы и Марины: хоть бы кто-нибудь уже пришел! Лева сидит в кабинете легендарного Овсянникова, смотрит в серо-стальные глаза и растерянно повторяет: «Да я и не помню уже... у меня был шок... я так испугался... представляете, они все как ломаются!»

Снег валится на город – точь-в-точь как два года назад, когда они вчетвером стояли на крыльце школы, глядя на чистое белое поле и уже догадываясь, что вот они, четверо, – настоящие друзья, друзья на всю жизнь.

Дядя Коля выпивает вторую рюмку и, подмигнув Марине, говорит:

– А что ты меня не спрашиваешь, как это я так много пью за рулем?

– Действительно – как? – вежливо говорит Марина.

– А с моими номерами машину не останавливают – едешь, как хочешь, ни один инспектор палочку не поднимет. Тоже – маленькие прелести работы в Учреждении.

Марина аккуратно перекладывает пломбир в подтаявшее крем-брюле – теперь мороженое напоминает айсберг, в который врезался «Посейдон». Ложка, видимо, должна изображать ледокол.

– Кстати, Маринка, давно хотел тебя спросить, – говорит дядя Коля. – Кто же из вас убил Орлока Алурина – ну, там, на Белом море?

9.

Александровск оказался маленьким черно-белым городком. В снежном небе чертят зигзаги вороны, темнеют изогнутые линии пустых лукович – голые остовы. Гоша знает: когда-то в каждом городе было несколько десятков храмов, где мертвые заставляли живых приносить им жертвы. После Проведения Границ мертвых изгнали, храмы разрушили или отдали под склады и клубы. В столице их почти не осталось, а в маленьких городках еще встречаются вот такие полуразваленные каркасы, где только ребра обозначают границы бывших куполов.

Гоша идет по главной дороге. Как узнать, где находится склад? Ведь не спросишь прохожих.

В фильмах, конечно, все куда проще – да и Гоше было бы проще, будь он не один, а с друзьями. Но где его друзья? Леву и Марину не видел уже сто лет, с Никой рассорился...

Наверно, я теперь дружу с Вадиком, думает Гоша. Это хорошо или плохо? Вадик был нашим врагом, как я расскажу Лева и Марине, что каждый день пью у него чай и слушаю мертвую музыку? Не говоря уже о Нике.

Но если у нас все получится... о, вот тогда можно будет все рассказать. Тогда я буду победителем! И дело не в деньгах – хотя и в деньгах тоже, чего же плохого в том, что я помогу родителям? – просто это будет настоящее приключение, словно в каком-нибудь мертвом кино про ограбление банка.

При этой мысли Гоша довольно улыбается. Один из планов ограбления он как раз скопировал со старого мертвого фильма: надо раз за разом выводить из строя сигнализацию, чтобы она срабатывала вхолостую до тех пор, пока ее не отключат. А потом спокойно перелезть через ограду и вынести столько мертвых журналов, сколько удастся утащить.

Есть ли там ограда? А сигнализация?

Может, всего-навсего надо вползти по стене до какого-нибудь окна, проскользнуть внутрь и...

Есть ли там окно? Можно ли ползти по стене склада?

Гоша не знает – вот поэтому он приехал сегодня в Александровск, отправился на разведку. Ну да, снова прогуливает школу – но на этот раз по уважительной причине.

Когда начались Гошины прогулы? Наверно, еще в восьмом классе. Но кто не прогуливал скучных уроков прошлой весной! Однажды с Никой и Мариной они втроем сбежали с географии смотреть новый приключенческий фильм про «пиратов наших дней». То есть они сначала сбежали, а потом уже решили пойти в кино. Отличный, кстати, был фильм, один парень там даже показал неплохое об-гру. Похуже, конечно, чем в мертвых фильмах, – но все равно, фильм был здоровский.

В другой раз они с Левой вместо литературы шатались по улицам. Тогда-то Лева и сказал, что хочет уйти в матшколу – и ведь ушел в конце концов!

Кто же не сбежал с уроков весной восьмого класса! Все понимали – это последний год, когда они учатся вместе, осенью будет совсем другая жизнь.

Другая жизнь оказалась тоскливой – особенно после того, как он разругался с Никой. Неужели она обиделась, что он танцевал с Олей Ступиной? Нашла на что обижаться! Все знают, что Ступина дура и выпендрежница, ее вообще всерьез нельзя воспринимать! Даже Вадик про нее так говорит. Гоша же не в кино с ней ходил, не целовался – всего-навсего танцевал. Просто танцует она гораздо лучше Ники, вот и все. А если Нике так хотелось с ним потанцевать – сама бы пригласила или намекнула хотя бы.

И тут понеслось. В понедельник Ника с ним не разговаривала, и во вторник утром настроение было таким поганым, что Гоша школу прогулял – и день удался! С каждым про-

гулом все трудней было заставить себя пойти в школу завтра – Гоша и не заставлял. Он даже поломал телефон, чтобы Рыба не дозвонилась родителям – жаль, что мастер пришел так быстро. Стоило аппарату заработать, как сразу же позвонил Лева – напросился в гости, сказал, что по важному делу.

Знает Гоша эти важные дела – небось, будет хвастаться, какая у него отличная школа, и объяснять, как плохо прогуливать. Ну и ладно, в отместку Гоша ничего не скажет, куда ездил и что задумал.

На автобусной остановке Гоша видит вывеску «Маршрут №4: платформа Александровск – бумагоперерабатывающий комбинат» – и сразу понимает, почему склад именно в этом городе.

Мертвые журналы – это же бумага! Их не уничтожают – их пускают в переработку, как макулатуру, за которую дают талоны на редкие книжки. На один том надо сдать 20 килограмм – сколько времени, интересно, пришлось бы копить газеты, чтобы добыть все три тома заключительного романа Дюмаса?

Гоша так никогда и не узнал ответа: втроем слевой и Мариной они провернули грандиозную операцию, обойдя все дома рядом со школой. Гоша улыбается, вспомнив, как Марина звонила в дверь, а когда открывали – смущенно наматывала на палец каштановый локон и не поднимала голубых глаз, изображая примерную ученицу. Смущаясь, говорила, что они собирают макулатуру вместе с одноклассниками, и растроганные жильцы несли стопки газет, так что Лева с Гошей оставалось только упаковать их в два больших рюкзака.

– Ты уверена, что это честно? – спросил тогда Лева, а Марина сказала, что, конечно, честно: они ведь в самом деле одноклассники и в самом деле собирают макулатуру. Какая разница, что сдадут ее не с классом, а сами по себе? Старые газеты все равно попадут на тот же самый перерабатывающий комбинат, а кто сдаст – не так уж важно.

Автобус ехал минут двадцать. Сначала по городу, то и дело останавливаясь, потом скрежеща взбирался по пустынной лесной дороге, и наконец, громынув, остановился у распахнутых железных ворот.

– Комбинат? – спрашивает Гоша пожилой женщины с тяжелой сумкой на колесиках.

– Не, – отвечает она, – это спортбаза, комбинат на следующей. А у тебя что, работает там кто-нибудь?

– Да нет, – говорит Гоша, – я от школы с заданием. Узнать, можно ли прямо сюда макулатуру привозить.

– А это тебе нужно в понедельник или в пятницу, – говорит женщина. – Из школ по понедельникам и пятницам возят. А из Вторсырья по вторникам и средам.

– А по четвергам?

– По четвергам, – женщина понижает голос, – из Учреждения.

– Из Учреждения? – удивляется Гоша.

– Откуда ж еще? – говорит женщина. – У них на каждой машине эмблема, щит со звездой.

Гоша ходит вдоль высокого каменного забора, ищет лазейку. Да, это не «Станкоремонт» – тут все серьезно. Ни деревьев поблизости, ни гнилых досок в заборе. Сверху колючая проволока, точь-в-точь как на ограде вокруг старого дома, где они когда-то вызывали Майку и вместе с Ардом Алурином сражались с зомби.

Слишком высокий забор, думает Гоша, не перебраться. Остается подкоп – но какой подкоп зимой, посреди ровного поля? Да и вообще – здесь не столица, любого нового человека сразу видно, в автобусе проехал – уже пришлось отвечать, зачем и почему.

Гоша тяжело вздыхает. Надо что-то придумать. Можно, например, сказать, что у него здесь работает отец, и попроситься к нему... нет, не выйдет. Во-первых, не пустят, а во-вторых – как он там найдет склад с мертвыми журналами?

А может, думает Гоша, построить дельтаплан и на нем перелететь через ограду? Стартовать вон из того леса, забраться на высокую ель и оттуда планировать, пока не окажешься внутри комбината.

Идиотский план, если честно. Во-первых, все увидят, а во-вторых – как назад выбираться?

Вздыхнув, Гоша возвращается на остановку. Следующий автобус – через час, проще уж пешком. Может, какая попутка подберет – и Гоша, бросив на комбинат прощальный взгляд, бредет по дороге к станции.

Был бы он не один – дорога показалась бы короче. Или если бы плэйер, подаренный на день рождения, не поломался всего через полгода: штекер болтался в гнезде, и звук то и дело пропадал. В гарантийной мастерской, разумеется, сказали, что нет запасных гнезд и поэтому придется подождать... вот Гоша с августа и ждет. Ничего удивительного – всем известно: живая техника ломается быстро, а чинится долго. Мертвый плэйер протянул бы и год, и два, и три – но в магазине его не найдешь, а покупать на «черном рынке» Гошиным родителям не по карману.

Через полчаса Гоша слышит за спиной шум – фура в облаке снежной пыли. Гоша машет руками – может, подвезут до станции? – и машина в самом деле останавливается, немного обогнав Гошу. Из двери высовывается мужчина в форме:

– Куда путь держим, молодой человек?

– На станцию, – отвечает Гоша и замечает на дверце эмблему – щит и серебряная звезда.

Ух ты! думает он.

Интермедия. Полночный шарик

Александр Ламбаев сидит в кресле перед телевизором. Крохотные фигурки футболистов перемещаются из конца в конец экрана, как рыбы в аквариуме, тихий голос диктора усыпляет, как бульканье всплывающих пузырьков.

Сегодня играют «Дизель» и «Снаряд», исход матча, в сущности, предрешен. Годы, когда «Снаряд» был по-настоящему сильной командой, давно позади, но Александр все равно продолжает болеть за бело-черных. Он привык хранить верность – неважно чему: футбольной команде, своим принципам, идеалам юности.

Хранить верность труднее с каждым годом. Еще немного – и «Снаряд» вылетит в первую лигу, матчи перестанут показывать по телевизору. Как тут поболееешь? Разве что в газете результаты прочтешь.

Что-то подобное, наверное, и с идеалами. Десять лет назад казалось: эти идеалы объединяют целое поколение, его поколение. Верилось, что «трагедия минус пятого года» не должна повториться, и, хотя Проведение Границ действительно великое событие, сегодня живые должны сотрудничать с мертвыми, обмениваясь идеями и технологиями. А еще верилось: их поколение изменит мир, потому что они – все вместе.

Это была самая главная вера, основа основ, крепкий фундамент, на котором они возводили здание своих планов и надежд.

Когда в зимнем лесу у костра Женя пела «Полночный шарик», «Ваньку Корчагина» и «Меланхолический марш», а Александр после каждой песни согревал ее замерзшие руки, он знал: этим зимним вечером во всех концах страны его сверстники слушают, заучивают наизусть и поют те же песни.

Когда на собрании в Институте Александр выступал против замдиректора с его выдуманной из пальца теорией самопротекающих жидкостей, он знал: сотни его сверстников в других институтах тоже борются против фальши и косности.

Когда на пороге роддома дрожащими от волнения руками он принимал у Жени маленький сверток с новорожденным Гошей, он знал: их сын, как и множество других мальчишек и девчонок, будет жить в другом, лучшем мире, потому что родители построят этот мир – всем миром, всем поколением.

И что же? Их поколения больше нет. Все разбежались. Кто-то занялся чистой наукой, кто-то погряз в семейных делах, кто-то ушел делать карьеру, кто-то просто ушел – и эти, наверное, были лучше и честнее других.

Не то чтобы они изменили своим идеалам – спроси любого, и он повторит то, что говорил пятнадцать и двадцать лет назад, – просто из-под дома их мечты выбили фундамент, идеалы рассыпались... или нет, повисли в воздухе, как тот самый полночный шарик из старой песни – прекрасный, но бесполезный.

Юность закончилась, поколения не осталось, бывшие идеалы растащили по отдельным квартирам, растеряв по дороге. Видать, идеалов было немного, на всех не хватило – и вот уже прекратились дружеские посиделки у костра, остыли горячие головы, утихли споры.

Ох, какая Женька была спорщица.

– Граница – зло! – говорила она, а когда кто-нибудь спрашивал: «Если – зло, зачем ее провели?», отвечала: – Ты что, хочешь сказать, все существующее – хорошо? Болезни, голод, страдания?

– Я думаю, во всем есть какой-то смысл, – сказал ей Александр однажды ночью, – просто он нам непонятен.

Так они спорили – сначала все вместе, а потом вдвоем с Женькой, спорили до ссор, до хрипоты... до самого рассвета – и в промежутках между спорами успели пожениться

и родить сына. И вдруг пять лет назад Александр понял, что тоже не верит в Проведение Границ, – видимо, эту веру оказалось совсем трудно защищать в одиночку, без бывших друзей, разбежавшихся кто куда.

«Человек один не может ни черта» – не зря ведь они так повторяли эту фразу за стариком Фэмом. Слово «поколение» означает, что ты – вместе с другими. Поколение из одного или двух человек так же невозможно, как футбольная команда из трех футболистов.

Кстати о футболе: бело-голубые забивают третий мяч. Ну да, можно уже выключить телевизор, ничего хорошего «Снаряду» сегодня не светит, смотреть дальше – только огорчаться, но вечером после заводского рабочего дня у Александра нет сил встать и подойти к телевизору. Пусть работает, думает он, еще посижу.

Из двух человек не составишь поколение – из двух человек, мужчины и женщины, получается только семья. Пять лет назад Александру этого хватало. Он говорил себе: даже если мое поколение распалось, мы с Женей сделаем то, на что нам хватит сил.

Конечно, это был компромисс. Но что еще оставалось? Воспитывать сына и работать. В конце концов, мы же были ученые – и не из последних. Надо просто работать – и наша работа медленно, исподволь будет менять мир.

Но Женя не хотела медленно, она хотела одним ударом разрушить Границу, построить Открытый Мир. Чуть не погибла, чуть не погубила сына, в конце концов оставила нас обоих без работы.

Одно утешение – теория оказалась правильной. Как ученый Александр до сих пор гордится. Может, надо сказать «как бывший ученый», ведь трудно называться ученым, если работаешь на бессмысленном заводском конвейере и знаешь, что по эту сторону Границы тебя не пустят ни в одну лабораторию.

Человеку, который хочет быть верным своим идеалам, трудно менять их раз в пять лет – и когда Женя вернулась с Белого моря, Александр некоторое время продолжал спорить, приводя ее же старые доводы. Спорил, но в глубине души знал – эту веру он тоже не сможет сохранить в одиночку.

Ну что же. Когда-то он верил в Проведение Границ, потом – в Открытый Мир, теперь снова будет верить, что Граница – единственное спасение живых от тирании мертвых. Нет, конечно, надо развивать сотрудничество и все такое, но Граница – это навсегда, это необходимость.

Что, интересно, думают об этом мои новые коллеги? спрашивал себя Александр. Что бы они сказали, если им предложить разрушить Границу? Они тяжело живут, много пьют, мало зарабатывают, впереди их не ждет ничего хорошего. Мне кажется, им нечего терять.

И Александр поставил эксперимент – он ведь все-таки был ученый. Если задуматься – небезопасный эксперимент, но, черт возьми, наука не прощает трусости! Раз у тебя отобрали лабораторию – задавай вопросы в курилке, рискуя прослыть провокатором или сумасшедшим.

Форвард «Снаряда» забивает гол, уменьшая разрыв до двух очков. Все равно, за оставшееся время не удастся даже сравнять счет. Одно утешение – проиграли не всухую.

Утешение можно найти всегда. Заводской эксперимент показал: Александр ошибался, и, значит, новые Женины взгляды будет еще легче принять.

Да, работяги с конвейера не хотели разрушения Границы. Из последних сил они цеплялись за единственное, что у них было: гордились Победой, отчаянно верили, что до Проведения было хуже, и тут же говорили, что любые изменения – только к худшему.

– Так мы хотя бы хозяева в своей стране, – сказал Александру сменщик, бурый от вечного пьянства.

Смешно, что Женя говорит то же самое.

А что скажет Гоша, если его спросить? Александр догадывается: «Это сложный вопрос».

Именно так сказал Александр, когда Женя исчезла на Белом море, а сын спросил: «Папа, что же случилось?» – и эти слова второй год бумерангом возвращаются к Александру.

«Гоша, как дела в школе?» «Это сложный вопрос».

«Гоша, ты когда сегодня вернешься?» «Это сложный вопрос».

Ну что ж, имеет право обижаться: в конце концов, не Александр, а именно Гоша с друзьями спасли тогда Женю.

Финальный свисток. Матч закончился, 3:1, «Дизель», как и предполагалось, выиграл. Придется все-таки встать и выключить телевизор, думает Александр, но остается в кресле.

Звонят в дверь, и Женя идет открывать. Сколько раз говорил Гоше, чтобы не забывал дома ключ, – но нет, это не Гоша, из прихожей слышны звонкие голоса.

Да, теперь уж точно придется встать.

– Ну, здравствуйте, ребята, – Александр встречает Нику и Леву. – Давно вас не видел. Проходите, садитесь. Гоши, правда, еще нет, но вы подождите, скоро придет.

Лева нерешительно говорит:

– Он вроде обещал к семи быть.

– Чаю хотите? – спрашивает Женя, и все идут на кухню, и еще час пьют чай, не зная, о чем говорить, – не спросишь ведь «как дела в школе?» у людей, которые спасли твою жену? – а потом наконец приходит Гоша, раздраженный и злой, и тебе кажется, что от него пахнет как-то непривычно, может быть – табаком и алкоголем, но, в любом случае, пахнет так, что скоро будет уже совсем невозможно вспомнить день, когда ты держал маленький сверток и верил, что твой сын будет жить в прекрасном будущем, которое построит твое поколение.

10.

Остановка метро – стеклянный павильон посреди снежного поля. Никакого сравнения с довоенными станциями, с их роскошными фасадами, статуями и мозаикой. Но это все – в центре, а здесь выходишь из метро – и вообще никакого города. Особенно если отвернуться от проспекта, по которому нет-нет да проедет машина. Тогда виден только белый заснеженный холм с одинокой дорогой между сугробов, да еще где-то там, на горизонте, из-за гребня высовываются башни новостроек.

На город совсем не похоже, в лучшем случае – пригород. Впрочем, он и есть пригород: конечная остановка, поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны.

– Да, Марина, далеко ты забралась, – говорит Лева.

– Зато свежий воздух, – отвечает Марина.

Ее красно-синяя куртка (мертвая, конечно) ярким пятном выделяется на снежном фоне.

– Ну, что, пойдем? – И она указывает на далекие многоэтажки.

– Ага, – говорит Ника, а Гоша опять молчит, как молчал всю дорогу.

В четверг получилось из рук вон плохо. Гоша с Никой почти сразу начали ссориться, а Лева только и делал, что их мирил. Едва удалось рассказать о том, ради чего пришли, но Гоша только пожал плечами, буркнул: «Ну, меня никто ни о чем не спрашивал!» – а Ника тут же сказала: «Да ты же в школу не ходишь!» – и все понеслось по новой.

Вот и сегодня Гоша всю дорогу дулся, да и Ника не сказала ему ни слова. Больше всего Лева хочется их встряхнуть и сказать: «Эй вы, идиоты, перестаньте! Помиритесь немедленно!» – но, может, так и положено, когда люди влюблены? У Левы-то никогда ни с кем романа не было, что он в этом понимает?

Вчетвером они поднимаются по неширокой дороге. Оказывается, из сугробов торчат хилые прутики молодых деревьев. Лева осматривается. Все-таки новостройки – какая-то фантазия стереометра: взять прямоугольные параллелепипеды, раскрасить в разные цвета и расставить посреди белоснежного пространства. Любой ребенок, игравший в кубики, знает, что это самый простой способ добиться красоты и гармонии.

– Пустовато здесь у вас, – говорит Ника.

– Зато лес рядом, – отвечает Марина, – там даже белки водятся. Ну, а дома еще успеют построить. Я план видела – через пять лет вон там будет большой магазин, а дальше – еще одна школа и детский сад. А лет через пятнадцать здесь вообще будет зеленая аллея.

– Что, эти прутики вырастут? – ехидно спрашивает Лева. – А вдруг это какие-нибудь медленнорастущие растения, за пятнадцать лет на метр с кепкой вытянутся? Ты хоть знаешь, как называются? Дубы? Эвкалипты?

– Не через пятнадцать, так через тридцать, – беспечно отвечает Марина.

– Через тридцать лет мы будем совсем старые, – говорит Гоша.

– Мы и через пятнадцать будем старые, – тут же говорит Ника.

Марина хрустит ботинками по свежему снегу. Блики солнца, отраженные от сугробов, пробегают по лицу: она чувствует себя хозяйкой этой новой снежной страны, бескрайнего поля, разбросанных по нему цветных кубиков, всех деревьев, которые еще вырастут, и домов, которые построят.

Как я по ней соскучился! думает Лева и вспоминает, что был когда-то влюблен в Марину, в пятом, что ли, классе. Смешно: как можно влюбиться в пятом классе? А ведь все мальчишки делали вид, что в кого-то влюблены, да и девчонки, наверное, тоже. Вот и он – был влюблен в Марину, потом в веснушчатую Галку из соседнего подъезда, а два года назад – в Нику, хотя и знал, что ей с самого начала только Гоша нравился.

В любви Леве не везет: может, девочек не так выбирает, а может, никто просто не любит рыжих очкариков.

Люси выходит в прихожую и говорит свое «мяу!». Морда у нее совсем седая, но бока по-прежнему черно-белые. Поздоровавшись, неспешно возвращается в комнату.

– Скучает по старой квартире? – спрашивает Ника. – Говорят, кошки привязываются к месту, а не к людям.

– Люди тоже к месту привязываются, – отвечает Марина. – Я вот по нашему району скучаю. – И быстро добавляет: – Ну, и по вам всем тоже, конечно.

Квартира у Марины просторная: три комнаты – на трех человек. Круто, ничего не скажешь, думает Лева. Он сам вон сколько лет в одной комнате с Шуркой жил, пока бабушка Роза не ушла в прошлом году. И хотя у Левы тоже трешка – с Марининой никакого сравнения: и народу больше, и комнаты поменьше, не говоря уже о кухне.

Кухня у Марины огромная, метров десять. Стол, уютный диван в углу, мертвые кухонные шкафчики, покрытые бежевым пластиком...

– Ух ты! – говорит Гоша.

– Клёво, правда? – кивает Марина. – Давайте здесь посидим, мои в кино ушли. Я чай заварю, идет?

И Марина заваривает чай – достает жестяную коробку с мертвыми буквами, зачерпывает две ложки, засыпает в фарфоровый чайник и заливает кипятком. Запах – по всей кухне. Наверное, с какими-то травами, думает Лева. И откуда только у Марининых родителей столько всего прикольного? Впрочем, нечего удивляться – они же с мертвыми работают.

Марина достает пакет с сушками, разливает чай, и когда все наконец усаживаются за огромный кухонный стол, говорит:

– А теперь – последние известия. У моего папы есть брат, дядя Коля. Он работает в Министерстве по Делах Заграницья. И вот в эту среду...

– И еще он сказал: у них были разведанные, мол, на Белом море что-то затевается. И когда наш отряд потерялся, они встревожились и отправили поисковую группу, эти самые вертолеты...

– Зря мы, выходит, им ввали, – говорит Лева. – Они всё и так знают: и кто такой охотник Федор, и кто вызвал упырей, и откуда взялась Гошина мама...

– Почти всё, – отвечает Марина. – Они не знают, кто убил Орлока.

– А ты сказала? – спрашивает Ника.

– Нет, конечно, – говорит Марина, – я сказала: *ой, я была так напугана, ой, я не поняла, чего произошло*.

– Ну, мы все это говорим, – без улыбки кивает Лева (хотя Марина смешно изображает простодушную дурочку). – Я думаю, им уже надоело. Но я одного не понимаю: зачем сейчас ворошить эту старую историю?

– Дядя Коля сказал, они хотят наградить убийцу Орлока, – говорит Марина, – но я на всякий случай не поверила.

– Это чушь, конечно, насчет наградить, – соглашается Гоша.

Если не считать «ух ты!», это первые слова, сказанные им у Марины.

– И что мы будем делать? – спрашивает Ника.

Понятно, почему спрашивает. Выходит, все эти допросы – только чтобы найти ее, девочку, которая своей рукой вогнала в сердце Орлоку серебряный нож. Сколько времени прошло, а Лева все не может поверить, что именно Ника – тихая, слабая, худощавая – убила Орлока. Не спортсмен Гоша, не решительная Марина...

В самом деле: и что будем делать? Лева смотрит на Марину: у нее, конечно, есть ответ. У Марины всегда есть ответы на самые сложные вопросы.

Возможно, Марина что-то и сказала бы, но тут звонит телефон. Она берет трубку, говорит «Аллё!», и тут же ее голос меняется, становится каким-то неестественно-радостным:

– Да, да... ну, можно... скажем, в среду... да, хорошо, я запомню адрес... гостиница «Звездная», в пять часов, ага... да, до среды, пока!

– Кто это? – спрашивает Лева.

– Так, один мой знакомый, – отвечает Марина. – Илья Гурамов, актер. Мы с ним недавно познакомились.

– Тот самый, который из «Запаса прочности»? – спрашивает Ника.

– Привет ему передавай, – говорит Гоша. – Он мой кузен, знаешь? Двоюродный брат то есть.

– Не может быть! – радостно говорит Марина. – Здорово!

Лева молчит. Ему-то Гоша давным-давно рассказал, что Илья из «Неуловимого» – его родственник, рассказал, но просил никому не трепать. Не хочу, мол, чтобы про меня говорили «брат знаменитого актера», хочу быть сам по себе. Вот Лева и молчал, лет пять как минимум. Ну, теперь все знают, вот и хорошо.

– Так что будем делать? – снова спрашивает Ника.

– Не знаю, – отвечает Марина. – А что можно сделать? Будем повторять то же самое: ничего не помним, ничего не знаем, тогда напугались, а сейчас всё забыли.

Все растерянно молчат, даже Лева сидит насупившись. Неужели, думает он, нельзя чего-нибудь придумать? Ежу понятно, не могут все четверо забыть, кто убийца, забыть могут только трое: тот, кто нож втыкал, уж точно не забудет. Выходит что-то вроде олимпиадной задачи про мудрецов с белыми или черными колпаками – а такие задачи очень быстро решают даже школьники, не то что специалисты из Учреждения.

– Не годится, – говорит Лева. – Давайте придумаем новую версию, такую, чтобы объяснить, почему мы ничего не помним. Согласуем детали и будем говорить одно и то же.

– Отличная идея, – кивает Гоша, – осталось придумать.

– Ну, не знаю... – начинает Лева. – Пусть, например, Орлок оступился и упал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.